

Мой отец – донской археолог М. А. Миллер

К. М. Антич-Миллер

Официальный бюллетень парижского антропологического общества («Extrait des Bulletins et Memoires de la Societe d'Anthropologie de Paris», 13.VIII.1909) опубликовал в августе 1909 года статью «Недавние раскопки вблизи Таганрога и каменные бабы». В этой статье известные археологи Федор Кондратьевич Волков и Александр Александрович Миллер сообщили своим французским коллегам об археологических раскопках, «проведенных молодым русским археологом Михаилом Миллером у реки Еланчик вблизи Таганрога».

Мой отец Михаил Александрович, которому тогда было 25 лет, был хорошо знаком с теми краями, так как его отец владел имением в слободе Покровское под Таганрогом, и большая семья Миллеров всегда проводила лето в этом живописном месте на берегу Миуса.

Интерес к археологии появился у Михаила Миллера рано – уже в девятнадцать лет он начал заниматься раскопками. Вероятно, увлечение археологией его старшего брата Александра, уже тогда известного археолога, имело на него большое влияние. Братья тесно сотрудничали много лет до ареста и последующей гибели в ссылке в 1935 году Александра Александровича Миллера.

Михаил Александрович родился 23 ноября 1883 года в слободе Каменно-Миллеровская под Ростовом-на-Дону (область Всевеликого Войска Донского). Утопающее в зелени селение привлекает сегодня ростовчан, которые ездят туда отдыхать на лоне природы. От имения Миллеров и следов не осталось, как и от «дачи» в Покровском и от имения с домом в стиле барокко, церковью и мельницей в селе Миллерово на севере Куйбышевской области. Как мне сообщили миллеровцы, деревянный дом, построенный Иваном Аврамовичем Миллером в 1786 году на дарованных ему императрицей Елизаветой Петровной за военные заслуги землях у реки Глубокая (теперь город Миллерово), окончательно разваливается.

Мой отец был десятым и последним ребенком статского советника, помещика Александра Николаевича Миллера и его супруги Александры Александровны, урожденной Першиной. Из трех сыновей, Александра, Василия и Михаила, средний стал экономистом, а старший и младший – археологами.

Согласно семейной легенде, глава семьи Александр Николаевич продал в 1893 году имение в слободе Миллерово под Ростовом и переехал в Таганрог, так как не хотел расставаться с младшим сыном, любимцем Мишей, который в десять лет должен был бы по семейной традиции, как и его братья, поступить в новочеркасский кадетский корпус имени императора Александра III. Мальчик должен был бы покинуть семью на долгое время, так как кадетов отпускали домой только на рождественские и летние каникулы. В Таганроге же была классическая гимназия, которая, как решил отец Михаила, могла заменить сыну кадетский корпус. Эта гимназия позже прославилась тем, что там обучался Антон Чехов (1868–1879). Сегодня в этом старинном здании находится замечательный музей им. Чехова.

Окончив гимназию в 1904 году, Михаил поступил на историко-филологический факультет Московского университета, а после окончания трехлетнего курса, летом 1907 года, начал заниматься под руководством старшего брата Александра раскопками Елизаветовского городища, а зимой слушать лекции на экономическом отделе юридического факультета Харьковского университета, который окончил в 1911 году. Несмотря на то, что молодой юрист поступил на работу в канцелярию Донского земельного банка в Таганроге, он и далее занимался археологией. Уже в 1910 году по командировке этнографического отделения Музея императора Александра III он собирает сведения о материальной культуре нижнего Дона и пишет работу «Материальная культура донских низовых казаков», которая до сих пор не

была издана и находится в архиве Этнографического музея в Санкт-Петербурге. До 1921 года Миллер работает как юрист, а с 1921 года переходит на педагогическую деятельность.

В начале 1931 года Михаил Александрович встречается в Таганроге Татьяну Александровну Неклюдову, с семьей которой он был знаком еще до Октябрьской революции, когда Неклюдовы жили в имении «Благодатное» под Таганрогом. Татьяна Александровна становится не только его женой, но и верным соратником и помощником. Летом 1931 года она сопровождает его на остров Дубовый на Днепре, где Михаил Александрович проводит вместе с коллегой раскопки. Татьяна Александровна становится его незаменимым сотрудником. Отец написал на одном из своих трудов: «Посвящаю моему самому верному, преданному и прилежному помощнику, который, не ропща, выдерживал все трудности жизни на раскопках».

Миллер Александр Александрович (1875–1935) – археолог, этнограф, действительный член Государственной академии истории материальной культуры, профессор археологии Санкт-Петербургского, а затем Петроградского и Ленинградского университетов, член совета Эрмитажа, заведующий этнографическим отделом Русского музея императора Александра III, директор Русского музея (с 1918 по 1923 годы).

Кроме археологических раскопок, отец всегда увлекался работой в музеях. Он сотрудничал в комиссии по устройству Донского музея, а в конце двадцатых годов принимал участие в организации краеведческого музея в Таганроге, заведующим которого был назначен в 1927 году. В детстве я часто посещала с бабушкой этот музей и была очень счастлива очутиться там опять в 1995 году. В главном зале висит портрет блестящего офицера – моего дедушки Александра Николаевича в молодости, который был позже заместителем председателя таганрогской городской Думы. Журналист «Таганрогской правды», который написал о моем визите в музей, подметил, что я подошла к портрету дедушки и поздоровалась с ним. Хотя он скончался в 1916 году, за шестнадцать лет до моего рождения, мой отец так много рассказывал о нем, что он мне близок и дорог.

В сентябре 1934 года родители переехали в Ростов-на-Дону, так как отец поступил в ростовский пединститут на должность профессора древней истории, а я осталась с бабушкой Евгенией Ивановной Сердюковой в Таганроге.

Познакомилась я с ним с помощью переписки, и так как я рано научилась писать и читать, то стала переписываться с отцом – в ответ на его письма старательно выводила каракули на листиках из тетрадки. У меня сохранились все письма родителей, как и мои в самодельных конвертах. Отец также присылал мне книги, его первый подарок – «Маленький историк» заложил во мне, как я думаю, глубокий интерес к истории.

В 1938 году я переехала с бабушкой к родителям в Ростов, и мы поселились вместе в одной большой комнате в доме для университетских профессоров и доцентов на улице им. Станиславского. Отец уходил утром, приходил в обед домой, ложился на час и опять уходил до вечера. А ложился спать поздно ночью, все писал. Часть комнаты была отделена перегородкой, это была наша спальня, у отца была узкая железная кровать, я спала с матерью на широкой деревянной постели, а бабушка на диванчике в кладовке.

Отец был глубоко предан своей профессии, древняя история Приазовского края – это было его призвание. Он занимал одновременно целый ряд должностей, теперь бы сказали, что он – «воркаголик». Но замечательно было то, что я всегда могла к нему обратиться, даже когда он сидел за письменным столом и писал. В коридоре часто стояли студенты, которые хотели с ним поговорить. Они иногда устраивали мне «экзамены» по греческой мифологии, которую я любила и хорошо знала.

Летом 1939 года родители взяли меня с собой на раскопки в станицу Нижне-Гниловскую. Отец ночевал с тремя студентами в палатках у кургана, а мы с мамой спали в хате у крестьян и носили отцу и студентам в полдень борщ в цебарке. На развалинах древних укреплений можно было найти осколки глиняных сосудов и иногда даже монеты. Все это собирали в мешки, а дома зимой черепки раскладывали на столе, и мы часами старались найти хоть один-два осколка, которые подходили бы друг к другу. Иногда нам везло, и осколки подходили друг к другу, получались части амфор или мисок, и тогда все ликовали...

Летом 1941 года грянула Великая Отечественная война. 24 сентября 1941 года я начала писать дневник. Первая запись: «Война. С утра до вечера бьют из полевых орудий, фронт близко. Война уже месяц. Мне девять лет, но это уже вторая война на моем веку. Очень неприятно, когда кого-нибудь нет дома и бьют из полевых орудий, которые называют зенитками».

Но жизнь моя была омрачена не только войной. Я знала, что мой дядя Саша, брат отца, тоже археолог, был арестован и погиб в ссылке. А теперь у нас в шкафу лежал пакетик с нижним бельем, сухарями и колбасой, и я знала, что папа его возьмет с собой, когда придут его арестовывать...

От страха я начала бить в каморке бабушки, как только отец возвращался домой, земные поклоны в благодарность Господу Богу. Каждый день по одному больше. В конце концов я упала в обморок, и когда бабушка нашла меня на полу без сознания, пришлось признаться, в чем дело, и мне было разрешено только лежать кивать головой. Я очень боялась, что это не поможет. А может, и помогло... Отца не арестовали.

Но перед вторым занятием Ростова немецкими войсками в июле 1942 года (в первый раз Ростов был занят одну неделю в конце ноября 1941 года) ночью к нам пришли два сотрудника НКВД и заявили, что должны нас как немцев арестовать. Когда же отец показал им документ, что он «казак Старочеркасской станицы», отбывал в 1912 году воинскую повинность, они ушли. «Вернутся. Мы должны спастись», – сказала мама и решила уехать в деревню Богородицкое, где в сельской школе преподавала бывшая ученица отца, которая предложила приютить нас. А отец остался в Ростове, чтобы принять экзамены у студентов университета. Что происходило в Ростове, мы не знали и очень волновались за отца. Я писала ему каждый день письма и прятала их в коробочке. Дней через десять отец пришел к нам пешком, и через несколько дней мы уехали из Сальска на военном немецком грузовике в Ростов. По утрам на главной площади собиралась толпа, и если в грузовиках было место, то немецкие солдаты разрешали людям туда садиться. Мы пробыли несколько дней на улице, не удавалось втесниться в переполненные грузовики. В Ростове на месте дома, где мы жили, стояла черная руина. Дом сгорел, и все наше имущество погибло: и спрятанная под кроватью у бабушки икона «Всех Святых на земле Русской просиявших», и книги отца, и альбомы с фотографиями, и мебель, и фарфор.

Сейчас вдруг меня нашла дочь моей школьной подруги Гали – Ирина. Оказывается, моя мать оставила ее бабушке ореховый прибор для письменного стола – подарок отцу от студентов ростовского университета за 1937–1938 учебный год. Семья Гали берегла этот сувенир 65 лет, и, наткнувшись на мое имя в газетной статье о биографии скульптора Королькова, ее дочь связалась со мной. Я решила подарить этот чудом уцелевший прибор музею в Таганроге.

Так как нам негде было жить, то администрация города предоставила нам комнату в полуразрушенном доме на улице Шаумяна. Отец был назначен директором краеведческого музея. Мы с матерью носили ему каждый день обед, а потом он ходил со мной по музею и показывал экспонаты.

Когда в начале февраля 1943 года к Ростову опять стал приближаться фронт, мы рано утром 4 февраля влезли с другими беженцами в один из военных грузовиков в колонне, которая ехала в Днепропетровск. Там пробыли восемь месяцев. Как это описал Вадим Рыжков в статье «В Украине немцы искали свои корни» (журнал «День», ежедневная всеукраинская газета № 75, 30.04.2009 г.), германские власти проводили тогда в Приднепровье археологические раскопки, так как немецких археологов интересовали следы пребывания в этих краях готов и норманнов. Отцу было ясно, что это его шанс провести последние раскопки, так как мы скоро покинем навсегда Родину. Да и недоедали мы, как все жители Днепропетровска, а в селах были фрукты и овощи. Поэтому он попросил немецкие власти о разрешении провести раскопки у села Беленькое. Мы поехали втроем – бабушка осталась в Днепропетровске, – и отец взял с собой Алика, соседского мальчика, как он сказал, «на откорм». Холм во дворе крестьянина, который отец раскопал, оказался просто горкой, насыпанной прадедом крестья-

янина, как нам позже рассказали соседи. Он не нашел при этих раскопках в Беленьком абсолютно ничего, да и в нашем скромном багаже, когда мы прибыли в Германию, не было ни одного археологического «сувенира».

В сентябре 1943 года мы продолжили свой путь на Запад – поехали в товарном поезде во Львов. Этот город порастил нас красотой своей архитектуры, но на улицах постоянно шла стрельба – иногда даже днем ходить по городу было невозможно. Казалось, что все воюют: поляки и украинцы с немецкими солдатами, но и друг с другом...

Холодным и ветреным мартовским днем мы поехали – опять товарным поездом – в Вену. На вокзале были толпы беженцев, Вена была переполнена, особенно бросались в глаза «старые» русские эмигранты, которые бежали из Югославии. Отец встретил там своего племянника, а мама нашла брата Василия и множество родственников. Особенно много среди беженцев было «галичан». Мать освободила одну из наших двух комнат от мебели и пустила туда беженцев, которые спали на газетах с сумками под головой. Город так бомбили, что за все восемь месяцев, которые мы там провели, я ни разу не была в школе. Но иногда отец все же ходил со мною в кафе, где продавались почтовые марки, которые я с увлечением собирала.

Друзья отца, профессор Пастернак с женой, усиленно приглашали нас приехать к ним в Геттинген в Нижней Саксонии, так как этот город не подвергался воздушным налетам. Поезда еще ходили, и нам удалось, несмотря на налеты бомбовиков на все города, через которые проезжал наш поезд, благополучно прибыть в Геттинген. В городе было несколько лагерей с огромным количеством беженцев (так называемых DP (displaced persons) – «перемещенных лиц»), и после капитуляции Германии в мае 1945 года в казармах, где главным образом жили беженцы из Украины, открылась гимназия, и отец стал преподавать там историю. К концу сороковых годов большинство беженцев эмигрировали в США и Канаду, гимназия закрылась.

В 1951 году отцу было предложено место ученого секретаря в американском Институте по изучению СССР в Мюнхене. Родители переехали туда, а я, выйдя замуж за Германа Гертнера, немецкого журналиста, уехала в ноябре 1953 года с мужем и годовалым сыном в США.

Отец прекрасно чувствовал себя в Мюнхене, собрал круг друзей и обставил квартиру мебелью бидермейер, но в русском вкусе: с иконами в «красном углу» и ковром на стене, на котором висело казачье оружие. На знаменитом антикварном базаре «Ауэрдульт» он нашел даже гравюру старого Таганрога и картины казаков на конях.

Работа в институте доставляла ему большое удовлетворение: он проработал там десять лет и написал около 130 монографий, самой известной из которых стала «Археология в СССР». В конце пятидесятых годов стало ясно, что родителям нужна моя поддержка. Бабушка скончалась в Нью-Йорке 11 июля 1958 года, а в мае 1959 года мы вернулись в Германию и поселились в смежных квартирах с родителями, двумя собаками и шестью кошками.

15 февраля 1968 года отец скончался. Было трогательно видеть, сколько людей пришло на его похороны, около 140 человек «отдали ему последнюю честь», как говорят немцы. Мать моя, которая была моложе отца на 17 лет, пережила его на 22 года, но умерла также 15 февраля (в 1990 году). Похоронены они в нашей семейной могиле на Лесном кладбище.

P.S. Читая свои воспоминания детства «Донской археолог Михаил Александрович Миллер – мой отец», я вдруг вспомнила один эпизод, который вписывается в эти воспоминания.

После ареста и гибели брата отца – Александра Александровича Миллера в 1935 году родители день и ночь ждали ареста нашей семьи. Так как моя мать работала сестрой милосердия в детских домах, куда помещали и детей репрессированных, она знала, что иногда этим детям давали новые имена, с тем чтобы их никогда не нашли родственники. Она очень этого боялась и часто подзывала меня к себе, показывала мне на карте город Миллерово, приговаривая: «Ты никогда не забывай, как тебя зовут. Вот посмотришь на карту и сразу вспомнишь, что тебя зовут Миллер». На шее у меня висел кусочек картона с адресом сестры

отца в Грозном и мать учила: «Если ты придешь из школы и увидишь, что дверь в нашу комнату открыта и в коридоре чужие люди, сейчас же уходи. Ты нам помочь не можешь, нам легче будет, если ты спасешься. Иди по ночам к тете, а днем прячься в кустах, проси у крестьян хлеба, но не говори, что ты одна. Говори, что бабушка тебя послала».

Когда я переехала с бабушкой из Таганрога в Ростов и пошла в школу, мама сказала мне: «Смотри, никогда никому не говори, что мы дворяне и казаки. Ни за что! Если кто-то спросит, а почему у тебя фамилия такая, есть город Миллерово, ты что, оттуда? Или же: а вы – не казаки Миллеры? Или что-то в этом роде, говори: нет, ничего подобного!».

И вот я пошла в школу. Дети меня как-то сторонились, но была одна задушевная подруга – Галя. Больно, что ее нет больше на свете, но ее дочь меня нашла! Она прочла газетную статью о книге «Мир Сергея Королькова» профессора В.В. Смирнова, где я часто упоминаюсь, и мы теперь переписываемся. У меня даже фотография моей подруги Гали сохранилась... Без нее мне бы в школе было совсем печально.

Все шло своим чередом, я перешла в четвертый класс, как в один «непрекрасный» день наша учительница почему-то спросила класс: «А есть тут казаки? У кого родители казаки?». Воцарилось гробовое молчание. И вдруг я почувствовала, как будто какая-то неведомая сила подняла мою правую руку, и я услышала, что сказала довольно громко: «Я – казачка!». Все повернулись ко мне и уставились на меня, открыв рты. А я сидела ни жива ни мертва, так как не могла понять, почему я это сказала вопреки наставлениям матери. Учительница сказала что-то вроде «ну, да», и мне показалось, что она поставила в тетрадь на столе галочку. «Теперь она все знает про нас, – решила я, – и нам будет конец»...

Я еле доплелась до дома и по дороге решила, что об этом нельзя рассказывать родителям, а надо сначала посоветоваться с бабушкой. Моя любимая бабушка, Евгения Ивановна Неклюдова, была дочерью казачьего генерал-майора Ивана Александровича Сердюкова.

Она родилась в Амвросиевке, имении отца недалеко от Таганрога, где господский дом был построен по планам Растрелли. Поэтому у меня в душе теплилась надежда, что роскошное здание уцелело и там поместили библиотеку или детский сад или вообще какое-нибудь учреждение. Но молодой милиционер ответил на вопрос мужа, что «развалили в семидесятых годах», и поехал с нами показать, где было имение.

А теперь бабушка спала в кладовке. Так как наша комната была разделена фанерной стеной на большую гостиную-столовую-кабинет отца и маленькую спальню, где я спала на кровати с мамой, а отец на диванчике, для бабушки места там не было, и она спала в бывшей кладовке. По вечерам мы часто сидели там обнявшись на ее кровати и беседовали. Бабушка много рассказывала о своем детстве и семейной жизни в Благодатном, имении по соседству с Амвросиевкой, где она жила с мужем и детьми и никогда ни на что не жаловалась.

Когда я вернулась из школы после злосчастного инцидента, родителей, к счастью, дома не было, и я села с бабушкой за стол и рассказала ей заплетающимся языком, что на вопрос учительницы о казаках сказала, что я – казачка и тут же добавила: «Не знаю, почему я не послушалась мамы». Бабушка сказала задумчиво: «Но это же – правда» и успокоила меня, что встречала мою учительницу и не думает, что та на нас донесет. Но я еще долго боролась со страхом «а вдруг», и в классе старалась на учительницу не смотреть, хотя мне стало казаться, что она мне улыбается.